

Трушкин А. Р.,

1985/11

Сов. Россия, 1985, 10 февр. №34.

СОВЕТСКАЯ

Семен Гейченко

У ХОЛМА-ВЕЛИКАНА

Видный политический деятель, энциклопедически образованный критик и историк искусства, поэт и драматург, блестящий оратор, Луначарский как нельзя лучше подходил к той исторической роли, которую ему пришлось играть после Октября, в течение двенадцати лет возглавляя Наркомпрос. Затем он был назначен председателем ученого комитета при ЦИК СССР, работал директором Пушкинского Дома Академии наук и директором Института литературы в Москве.

В 1926 году Луначарский поручил Псковскому губисполкому и Пушкинскому Дому Академии наук подготовить перечень того, «что нужно сделать в заповеднике по хозяйственной части». Вскоре он лично побывал в Пушкинских Горах.

О том, что он увидел во время своего посещения и какое сильное, неизгладимое впечатление произвели на него заповедные пушкинские места, Анатолий Васильевич рассказывал в своих трех очерках, озаглавленных «На могиле Пушкина», опубликованных в ленинградской «Красной газете» в сентябре 1926 года.

В настоящей заметке мы воспроизводим один из этих очерков, тот, в котором Луначарский с присущим ему мастерством говорит о самом святом месте — могиле поэта.

«Могилка производит глубоко художественное впечатление, — писал А. В. Луначарский. — Не только не мешают ему две плиты, указующие на место погребения очаровательной матери поэта и одного из Ганнибалов, но и надгробие какого-то архимандрита, похороненного рядом с Пушкиным; лучше оставить, как оно есть (конечно, поддерживая в приличном виде), и по возможности ничего не менять во всем уже запечатленном историей облике этого торжественного места.

Место это торжественное. И не только потому, что Вы чувствуете здесь близость дорогого сотням миллионов умерших, живущих и имеющих родиться людей — праха. Оно, как нельзя лучше, несет на себе маленький белый памятник величайшего из русских поэтов. Холм поднялся над окрестной волнистой равниной; поднялся властно и спокойно. Он весь порос огромными вековыми деревьями. В просвете между ними глаз уходит далеко, скользит по разнообразному рельефу пригорков, ов-

рагов, рощиц, селений. В ранний вечер, когда я там был, все это было одето игрой косых лучей и длинных теней, все это было полно мира и крепкой думы. И совершенно под стать этому чуть-чуть грустному раздолью — серьезно и тоже чуть-чуть грустно, но беспрестанно шумят открытые на холме всем ветрам зеленые великаны. Сторожат могилу. Зимой защищают от снега, весной шепчут о вечном возрождении, летом важно беседуют, а осенью расточительно осыпают золотом великую гробницу.

Энергичные пушкинисты из «Дома Пушкина» требуют, чтобы на этих деревьях перестреляли ворон. Я думаю — не нужно. Во-первых, налетят другие, а во-вторых, этот вороний грай не показался мне назойливым и нелепым. Там тихо; голоса человеческие звучат на постоянном фоне шелеста листьев, как в огромном храме. Сперва даже не замечаешь, как кричат и кричат суетливые черные птицы — там наверху. А когда заметишь — то гомон и карканье их как-то еще глубже дают почувствовать огромность обнимающего все пространства и его непробудной тишины, по самой поверхности которой скользят и сейчас же стираются эти скрипучие звуки. Вот сейчас, когда мне хочется вспомнить точно самую суть момента, пережитого на холме, я вспоминаю все: необъятную тишину, немолчный ропот растений, робкие голоса людей и вкрапленный в эту величавую звуковую ширь, словно черная сетка, — вороний крик.

Весь мощный холм с огромной церковью на вершине потонул. По-видимому, уже очень давно стал он осыпаться с одной стороны, и люди, заметив, что оползень может подобраться к фундаменту церкви, подперли холм массивной каменной стеной. Но холм продолжает давить в ту же сторону. Ему словно хочется нести куда-то могилу, которая сделала его знаменитым больше, чем церковь Грозного, — а тут стена. Он навалился на нее грудью.

Стена упирается, но сильно пошатнулась. На первый взгляд кажется, что еще недолго, и она рухнет, и почва холма рванется в низину, обнажив фундамент церкви, и обрыв приблизится к могиле. На самом же деле, как говорят старожилы, стена стоит в таком виде лет 30.

Однако оставлять ее так нельзя. Как бы ни успокаивали инженеры, а разумнее всего будет стены подпереть достаточно могучими контрфорсами. Стоить это будет недорого, а все мы во всем Союзе будем спокойнее».

Многое из того, что А. В. Луначарский рекомендовал сделать для утверждения незыблемости архитектурных памятников Пушкинского заповедника, в разные годы было исполнено. А в 1983—1984 г. Псковская научно-реставрационная мастерская силами студенческого стройотряда химического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова провела капитальную работу по укреплению всего могильного холма Святогорского монастыря, его гранитных подпорок у стен, покрытие площадки вокруг вершины холма гранитными плитами.

В ближайшие годы предполагается провести здесь и другие работы, которые обеспечат сохранность этого уникального памятника в грядущих веках.

Один из авторов проекта укрепления могильного холма Святогорья замечательный художник — архитектор нашей Родины А. В. Шусев заметил, что «придет время, и мы поставим мраморную балюстраду вокруг всей вершины Святого холма, которая в начале века была поставлена лишь у мавзолея великого поэта».

И вот это время пришло. Начата работа по подготовке к составлению проекта сооружения такой балюстрады, которая будет иметь двойную цель — не только эстетическую, но и практическую — быть предупреждением для паломника, который, заглядевшись на все вокруг, может случайно оказаться в опасности. При наличии балюстрады этого не случится. И мы надеемся: в ближайшие годы балюстрада появится. Как появилось многое из того, о чем думал когда-то А. Луначарский.

К февральским пушкинским дням 1987 года предстоит крепко поработать. Мы мечтаем о научно-музейном центре — нашей главной заботе последних лет. Мечтаем обжить Белогулье, Велье... Работы предстоит много, но она по силам псковскому краю и России.

с. Михайловское,
Псковская область.